

БЛОК — ЧИТАТЕЛЬ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Сообщение С. Б. Шоломовой

В Центральном Государственном архиве литературы и искусства хранятся два тома из четырехтомного собрания сочинений Н. А. Добролюбова, некогда принадлежавшего Блоку и находившегося в его шахматовской библиотеке. Они являлись «рабочими», поэт внимательно читал их летом и осенью 1908 г., т. е. в период напряженной подготовки доклада «Народ и интеллигенция», завершившейся созданием цикла статей на ту же тему.

Старейший собиратель русской поэзии начала XX в., бывший участник Блокеровской ассоциации при ГАХН Петр Алексеевич Журов в беседе с нами подробно рассказал, как по заданию Ассоциации в 1924 г. была направлена специальная экспедиция для выявления и спасения книг из Шахматова. Отдельные разделы семейного книжного собрания удалось обнаружить в близлежащих деревнях. Была составлена подробная опись найденного. В этой кропотливой работе П. А. Журов принимал активное участие. Помогал ему, по его словам, Д. Д. Благой. По мнению Журова, описание библиотеки позволило частично представить общий ее объем и состав, предположить тематику и направление чтения. В числе наиболее капитальных изданий он назвал сочинения русских классиков. Журов высказал убеждение, что изучение буквально каждого тома помогло бы представить литературные влияния, во многом определившие формирование социально-нравственных идеалов молодого Блока.

Как истинный знаток и ценитель книги, П. А. Журов при составлении описи старался привести сведения обо всех особенностях каждого экземпляра, и это в первую очередь касалось изданий с пометами.

Из четырех томов сочинений Добролюбова пометы содержались в первом и третьем. Журов предполагал в будущем детально изучить их; он сказал: «Хотелось проследить влияние произведений Добролюбова на формирование мировоззрения Блока, используя при этом необычный источник».

О том, что П. А. Журов готовил выступление на одном из заседаний Блокеровской ассоциации, свидетельствует строка из отчета о деятельности Ассоциации в 1924—1925 гг.: «В дальнейшем предполагается заслушать доклад П. А. Журова „Блок и Добролюбов“» (ЦГАЛИ, ф. 2530, оп. 2, ед. хр. 252, л. 11). Однако ряд обстоятельств помешал осуществить задуманное.

Мы не задаемся здесь целью рассмотреть отношение Блока к наследию Добролюбова. Известен глубокий интерес к нему поэта, записавшего 12 сентября 1908 г.: «...мечты о журнале с традициями добролюбовского „Современника“» (ЗК, 113). В тот же период Блок отметил в дневнике, что при чтении Добролюбова «душа захлебнется от нахлынувших дум» (V, 335). Для формирования общественных убеждений Блока связь с русской революционно-демократической традицией играла очень значительную роль, недаром позже, в письме к В. Н. Княжнину, Блок обмолвился, что в нем течет и «шестидесятническая кровь» (VIII, 406). Тема эта требует большого специального исследования, задача же настоящего сообщения — привлечь внимание к пометам поэта на полях статей Добролюбова, которые, по счастью, сохранили непосредственный след «нахлынувших дум».

В начале XX в. сочинения Н. А. Добролюбова дважды издавались прогрес-

сивным книгоиздателем П. П. Сойкиным на основе известного собрания, подготовленного Чернышевским сразу же после смерти критика. В шахматовской библиотеке было второе издание; на первом томе — владельческая надпись Блока, сделанная красным карандашом, хотя чаще всего поэт подписывал книги черными чернилами и реже — простым карандашом. В первый том включен биографический очерк о Добролюбове бывшего издателя и редактора журнала «Научное обозрение» доктора философии М. М. Филиппова. В очерке был использован ряд неопубликованных ранее биографических материалов.

В первый том включены работы Добролюбова, написанные им преимущественно для журнала «Современник» в 1856—1858 гг. В оглавлении ряд названий поэт подчеркнул простым карандашом. Среди них такие широко известные, как «Собеседник любителей Российского слова», «Русская сатира в век Екатерины», «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами». Из рецензий, написанных в 1857 г., Блок подчеркнул лишь две: на русские переводы римских писателей и на «Губернские очерки» Щедрина, причем последняя имеет в оглавлении двойное подчеркивание, более нигде не встречающееся.

Пометы Блока нередко находятся и на полях статей, которые, казалось бы, поначалу не привлекали его внимания, поскольку в оглавлении не подчеркнуты. В то же время в некоторых помеченных в оглавлении статьях и рецензиях не содержится примет внимательного прочтения. Можно предположить, что в одних случаях поэта интересовала вся статья в целом, в других, напротив, лишь отдельные темы. Однако каждая деталь убеждает в глубоком читательском своеобразии Блока. Обращает на себя внимание и многообразие помет: различные сочетания подчеркиваний, вертикальных и горизонтальных, волнистых линий, восклицательных знаков и нотабене. Наиболее интересной разновидностью являются, несомненно, словесные пометы.

Одно из первых подчеркиваний сделано Блоком в тексте биографического очерка о Добролюбове, оно касается, в частности, социального происхождения критика. Блок обратил внимание и на то, что как творческая личность Добролюбов сформировался поразительно рано. Так, например, уже в 15 лет он задумывался над тем, что вскоре станет предметом рассмотрения в его статьях. По окончании семинарии Добролюбов много и напряженно занимался самообразованием. Подчеркивание этого места, вероятно, указывало на важность самообразования и самовоспитания и для самого Блока.

Напомним, что, окончив университет, поэт написал отцу: «Чувствовать себя по праву „неучащейся“ молодежью будет лучше для меня, тем более, что я, кое-чему научившись, надеюсь еще подучиться сам для себя» („Письма к родным“, I, с. 154). Этот процесс у Блока будет длиться всю жизнь.

Другое подчеркивание в биографическом очерке относится к мысли о том, что Добролюбов начиная с 1848 г. вел полные списки прочитанных книг. На



Н. А. ДОБРОЛЮБОВ. СОЧИНЕНИЯ, Т. III.
С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ БЛОКА
Центральный архив литературы и искусств,
Москва

подобную деталь мог обратить внимание лишь тот, кто сам имел такую привычку. С юных лет Блоку было свойственно делать подробные рефераты и выписки из прочитанных книг.

Мимо внимания Блока не прошли и отдельные детали в описании характера и наклонностей Добролюбова: глубокое впечатление, которое произвела на молодого критика реалистическая литература 40-х годов, особенно романы Писемского, воспоминания сокурсника Добролюбова о его редких способностях, об «особенном такте в занятиях», об одержимости чтением: «он читал всегда и везде», по временам заносся содержанием прочитанного «в толстую библиографическую тетрадь в алфавитном порядке писателей». (Здесь и далее нами заключены в кавычки слова, подчеркнутые Блоком.)

В плане психологического сходства особенно интересны вертикальные подчеркивания тех мест, где шла речь об особенностях личности Добролюбова. Так, его биограф писал: «Вечно кающийся, вечно бичующий самого себя Добролюбов готов сравнивать себя с лермонтовским Демоном, он упрекает себя в надменной холодности и боится остаться в одиночестве, без упования на любовь». А в другом месте Блок подчеркнул: «Добролюбов был домоседом, да сверх того не любил говорить в многолюдном обществе». От внимания поэта не ускользнуло и то, что, по свидетельству современников, Добролюбов не мог терпеть «генеральства в литературе», не выносил «разведения мыслей водой» и «горячо возражал, что если бояться сплетен, то уж лучше совсем не издавать журнал».

Блок подчеркнул на полях весь текст страницы, где речь шла о сложных взаимоотношениях Добролюбова и Тургенева. Заинтересованно прочитал он о том, как работал Добролюбов с начинающими литераторами, как «охотно давал советы», как «относился к ним всегда гуманно и приветливо».

Особый интерес проявил Блок к отношениям Добролюбова и Чернышевского, о чем свидетельствует система подчеркиваний в тексте.

Читая статью Добролюбова «Собеседник любителей Российского слова», Блок подчеркнул следующие слова в признании Добролюбова (выделено нами курсивом): «может быть, труд мой потеряет *научное* достоинство, но зато его можно будет читать, а я хочу лучше *служить для чтения*, нежели для справок».

Критико-публицистические статьи Блока, написанные в последующие годы страстно и гражданственно, тоже «служили для чтения» новым поколениям России.

Как правило, Блок подчеркивал те строки, которые вели к глубоким раздумьям и обретению четких воззрений на тот или иной вопрос. Чтение становилось мощным импульсом в процессе формирования мировосприятия и мировоззрения.

Установлено, что поэт очень часто подчеркивал в книгах мысли, которые в дальнейшем цитировал в своих произведениях, нередко выражая свое несогласие с мнением автора. Так, в статье о журнале «Собеседник любителей Российского слова» Блок подчеркнул такие слова: «Во всем, что есть лучшего в нашей словесности, от первых народных песен до произведений Гоголя и стихотворений Некрасова, видим мы эту иронию, то наивно-открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно желчную».

Впоследствии Блок полностью привел эту цитату в статье «Ирония» и продолжал так: «Добролюбов видел в этом залог процветания русской сатиры, но не знал всей страшной опасности, приходящей отсюда» (V, 347). Не знал, потому что, по мнению поэта, «не владел ни одним из многообразных методов смеха». Блок относил Добролюбова к разряду «сыновей несмеющейся эпохи».

«Проекция» прочитанного — частое явление в творчестве Блока. Один из разделов статьи «Вопросы, вопросы, вопросы» Блок назвал не без намека «Собеседование любителей интеллигентного слова».

Исследуя лучшие традиции русской демократической литературы, Блок в своих статьях 1907—1908 гг. многократно обращается к тем же писателям, о которых недавно читал и у Добролюбова: к Гоголю и Лермонтову, Тургеневу и Некрасову, Щедрину и Островскому. По мнению поэта, их произведения до сих

Трофимовича такъ, что для публики не могло оставаться насчетъ ихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, особенно при помощи ядовитой эпиграммы: «Обиженный журналами жестоко», которая появилась въ то же время.

Изъ статей историческихъ въ VII томѣ вошли всѣ записки Пушкина, составленные имъ только, какъ матеріалъ для обработки: «Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго» и «О камчатскихъ дѣлахъ». Обѣ онѣ впервые являюся теперь въ печати. Точно также впервые напечатана статья Пушкина о Радищевѣ, совершенно конченная и отдѣланная. Относительно этой статьи мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ издателя, что она принадлежитъ къ тому зрѣлому, здравому и проникновенному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ незадолго до его кончины. — Въ этой статьѣ мы видимъ взглядъ весьма поверхностный и пристрастный. Пушкинъ увлекенъ здѣсь мыслью одностороннею и прямоудлин, необходимомъ въ авторскомъ дѣлѣ, и понявъ все дѣло односторонне. Онъ никакъ не хотѣлъ отдѣлать *предупреждения печати*, совершеннаго Радищевымъ въ молодости, отъ всей его послѣдующей жизни. Стараясь видѣть въ Радищевѣ полу-невѣжду и полу-дебода, Пушкинъ чередомъ впадаетъ даже въ противоположна съ самимъ собою. Въ концѣ статьи онъ говоритъ о немъ съ рѣзкостью, какую рѣдко позволялъ себѣ: «Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжествовое презрѣніе ко всему прошедшему, слабое и изумленіе предъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя сужденія, наобумъ припоровленные ко всему, — вотъ, что мы видимъ въ Радищевѣ». Такой приговоръ слишкомъ жестокъ, и эпитеты — слабоеумнаго, невѣжественнаго, слѣпота — слишкомъ положительны, чтобы можно было ожидать отъ Пушкина высокаго мнѣнія объ умѣ Радищева. Несмотря на то, мы находимъ, что Пушкинъ, упрекая Радищева за его кингу, говоритъ, что онъ могъ бы лучше прямо представить правительству свои соображенія, потому что оно всегда «чувствовало вужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ»; такимъ образомъ, поэтъ не отказывается поставить въ число людей «просвѣщенныхъ и мыслящихъ» этого человѣка, которому самъ же приписалъ невѣжество, слабоеуміе, поверхностность, и пр. Это непоследовательно. Или нужно было призвать Радищева человѣкомъ даровитымъ и просвѣщеннымъ, и тогда можно отъ него требовать того, чего требуютъ Пушкинъ; или видѣть въ немъ до конца слабоеумнаго представителя полупросвѣщенія, и тогда совершенно неумѣсто замѣчать, что лучше бы ему, вѣсего «брани, указать на благо, которое Верховная власть можетъ сдѣлать, представить правительству я умнымъ помѣщикамъ способъ къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ, потолковать о правнлахъ, которыми долженъ руководствоваться законодатель, дабы, съ одной стороны, состояніе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своевольной управы; а съ другой — чтобы писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли vizкой или преступной». Зачѣмъ такіа высокія требованія отъ человѣка, въ которомъ, тремя строками выше, не признается ничего, кромѣ невѣжества, слабоеумія, и проч., — что толковать съ такимъ человѣкомъ?.. Зачѣмъ упрекать его, что онъ не сдѣлалъ того, чего мы хотимъ, если мы сами признаемъ, что онъ не могъ этого сдѣлать?.. Но Пушкинъ не одинъ только разъ впадаетъ въ такую ошибку. Въ другомъ мѣстѣ, онъ старается

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ. СОЧИНЕНІЯ, Т. I. ИЗ ЛІЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЛОКА С ЕГО ПОМЕТАМИ

Центральный архив литературы и искусства, Москва

пор остаются «интересными, животрепещущими и насущными» (V, 335). На поляхъ статьи Добролюбова об очеркахъ Щедрина мы встречаемся с исключительнымъ разнообразіемъ пометъ Блока, в томъ числѣ и цветными карандашами, что раскрываетъ высокое эмоциональное напряженіе, с какимъ читались эти строки. Кругъ затронутыхъ в статьѣ вопросовъ очень широкъ — это значеніе и роль литературы въ общественной жизни, задачи критики, судьба современнаго писателя и др. Такого рода подчеркиванія свидѣтельствуютъ о сближеніи блоковскихъ устремленій с революціонной культурой 60-хъ годов. Подчеркнутые тексты, рассмотренные в совокупности с произведеніями, дневниковыми записями

и письмами Блока, позволяют полнее представить мир его исканий в период 1907—1908 гг. Маргиналии Блока рассказывают о предельном внимании и интересе, с каким читались строки Добролюбова по ряду важнейших для русской литературы проблем, рождая поток собственных раздумий и ассоциаций.

Примечательны отчеркивания Блока, сделанные при чтении статьи «Русская сатира в век Екатерины». Во вступительной части статьи подчеркнуты красным карандашом следующие суждения автора: «...искусство говорить слова для слов всегда возбуждало великое восхищение в людях, которым нечего делать», и далее: «...как только литература перестает быть праздною забавою, вопросы о красотах слога, о трудных рифмах, о звукоподражательных фразах становятся на второй план; общее внимание привлекается содержанием того, что пишется». А в финале статьи двумя вертикальными чертами отмечена мысль о том, что «маниловский характер» «постоянно лишал нашу сатиру реального значения».

К числу статей Добролюбова, которые, хотя и не подчеркнуты в оглавлении, тем не менее внимательнейшим образом прочитаны Блоком с карандашом в руках, относится «О степени участия народности в развитии русской литературы». На этих страницах тома все чаще сочетание красного и синего карандашей, появляются и новые знаки. Так, синим карандашом Блок подчеркивает места, где критик стремится проследить факторы эволюции литературы, рост интереса к ней в разных странах: «Бывает время, когда народный дух ослабевает, подавляемый силою победившего класса, естественные влечения замирают на время и на их место заступают искусственно возбужденные, насильно навязанные понятия и взгляды в пользу победивших, тогда и литература не может выдержать: и она начинает воспевать нелепые и незаконные затеи победителей, и она восхищается тем, от чего с презрением отвернулась бы в другое время. Так было, например, у немцев в начале прошлого столетия, когда хотели заставить их забыть за разными потехами кровавые передраги предшествовавшего времени». Против этой фразы, помимо системы подчеркиваний, Блок поставил первый в этом томе знак «NB».

Рассматривая маргиналии поэта, сделанные при чтении именно этой статьи, можно обозначить четкий круг вопросов, которые требовали его осмысления и которые в дальнейшем нашли свое место в цикле статей 1908 г. Блок выделил следующие: влияние на литературный процесс «литературного вождя» (термин Добролюбова); внутреннее содержание и круг идей современной литературы; значение литературы в прошлом и будущем; народные мотивы в поэзии; формы проявления народности в русской литературе.

Первое отчеркивание, сделанное Блоком красным карандашом, относится к мысли Добролюбова о внутреннем содержании литературы, о круге идей и круге приверженцев этих идей. Критик видел несомненную заслугу современной литературы в распространении идей добра и правды. Однако далеко не все были подготовлены к «принятию высоких истин».

Известная запись Блока от 12 сентября 1908 г., о которой мы выше упоминали («...мечты о журнале с традициями добролюбовского „Современника“»), могла возникнуть в результате пристального ознакомления с содержанием первого тома сочинений Добролюбова, где были систематизированы с исчерпывающей полнотой статьи и рецензии критика на страницах «Современника». Собранные воедино, они давали цельное представление о проблематике и направлении журнала.

13 сентября 1908 г. поэт написал Е. П. Иванову: «Между прочим (и может быть, главное) растет передо мной понятие „гражданин“, и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие, когда начинаешь открывать его в собственной душе» (VIII, 252).

В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов затрагивал проблему «тайны русской народности», что не могло не волновать и Блока. «Нет, и Гоголь не постиг вполне,— заключал Добролюбов,— в чем тайна русской народности, и он перемешал хаос современного общества, кое-как изнашивающего лохмотья взятой взаймы цивилизации, с строй-

ностью простой, чистой народной жизни, мало испорченной чуждыми влияниями и еще способной к обновлению на началах правды и здравого смысла. Если окончить Гоголем ход нашего литературного развития, то и окажется, что до сих пор наша литература почти никогда не выполняла своего назначения...»

На полях приведенного отрывка Блок сделал красным карандашом необычный знак — «III==». Такая помета встречается в томе только один раз.

Накануне отъезда из Шахматова, 3 октября 1908 г., Блок записал: «Сложнейшие думы. Менделеев. Толстой. Тургенев. Добролюбов. Венгеров. Вампир граф Дракула. Ключев. Народное. Письма Ключева. «Воскресение». Добролюбов о народности в русской литературе» (ЗК, 115).

Необычное сочетание имен и названий. Оно отражает, видимо, круг чтения поэта в этот крайне важный для него период. За каждым именем и названием — глубокий подтекст. Двойное упоминание Добролюбова — вряд ли простая случайность. Добролюбовский пафос народности и гражданственности существенно влиял на формирование общественной позиции Блока в это время. Знаменательны его слова: «Написать доклад о единственно возможном преодолении одиночества — приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью» (ЗК, 114).

Идейно-нравственные искания постепенно обретали конкретные формы. И в этом многосложном и противоречивом процессе обращение к творческому наследию Добролюбова сыграло далеко не последнюю роль.

Мысль Добролюбова о единственно реальной «почве» духовного возрождения художника была подчеркнута Блоком красным карандашом, причем отдельно были выделены еще слова о «спасении от ложного пути». Важно также, что заключительной мысли Добролюбова предшествовали слова о Лермонтове как исключительной личности в русской литературе. Скорбя о ранней гибели поэта, Добролюбов писал: «Лермонтов обладал, конечно, громадным талантом и умением рано постичь недостатки современного общества, умел понять то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе». И личность Лермонтова, столь близкая Блоку, и «спасение», указанное Добролюбовым, — все было значительно для поэта, мучительно искавшего свой путь.

В дальнейшем Блок будет приходить к выводам, сходным с добролюбовскими. На многих его суждениях 1908 г. — ответ идей Добролюбова. К отдельным мыслям, которые привлекли его внимание, когда он читал с карандашом сочинения критика, поэт обратился в цикле публицистических статей. Это в первую очередь относится к проблеме участия интеллигенции в общественной жизни России, в жизни народа.

Обостренное чувство социального неблагополучия и духовно-нравственный максимализм — вот те качества, которые особенно сближали Блока с Добролюбовым.

Добролюбов не склонен был к иллюзиям и потому с беспощадной искренностью писал: «Массе народа чужды наши интересы, непонятны наши старания, забавны наши восторги. Мы действуем и пишем за немногим исключением в интересах *кружка* более или менее значительного. От того обыкновенно взгляд наш узок, стремления мелки, все понятия и сочувствия носят характер парциальности».

Мысль во многом сходна с тем, что будет спустя десятилетие высказывать и Блок. Однако она вызывает у поэта и желание полемизировать (статья «Вопросы, вопросы, вопросы»). Рассматривая проблему разобщенности художников в современной литературе, Блок, оттолкнувшись от основного утверждения Добролюбова, продолжает: «Станов у писателей нет, есть отдельные писатели и есть кружки. Из первого факта выходит ряд ничем между собой не связанных, но значительных произведений <...> Из второго факта давно уже не выходит ничего, кроме разложения и вреда». Весьма показательна заключительная фраза. «Общение между писателями русскими, — пишет Блок, — может установиваться, по-видимому, лишь постольку, поскольку они не писатели, а общественные деятели» (V, 343). В своих исканиях поэт обретал нравственную опору, обращаясь к наследию русской демократической литературы.

Интересна необычайная интенсивность подчеркиваний — сочетание горизонтальных, вертикальных и волнистых (впервые появляющихся) линий на полях — при чтении Блоком рецензии Добролюбова на «Губернские очерки» Щедрина. Читаем: *«Нужно же понять, наконец, значение писателя, нужно понять, что его оружие — слово, убеждение, а не материальная сила. Если вы признаете справедливость его убеждений и все-таки не исправляете по ним своей деятельности, — в этом вы сами уже виноваты, в вас, значит, нет характера, нет умения бороться с трудностями, не развито понятие о честном согласовании поступков с мыслями. Если же сами убеждения вам не нравятся, тогда другое дело»*.

Отдельного рассмотрения заслуживают словесные маргиналии Блока на полях 1-го тома сочинений Добролюбова. Общее число их сравнительно невелико — всего восемь, из них семь относятся к одному тексту. Остановим свое внимание на пометах в той последовательности, в какой они расположены в томе, попытаемся дать хотя бы частичную их расшифровку и анализ.

В 1857 г. на страницах «Современника» была помещена рецензия Добролюбова на трехтомное издание «Библиотека римских писателей в русском переводе». Критик отмечал бедность и ограниченность репертуара переводной классики, достоинством издания считал включение приложений, в которые вошли жизнеописание римского историка Саллюстия и биография Юлия Цезаря, написанная Светонием.

Читая строки: «В биографии Саллюстия замечательно мнение, высказываемое о значении Катилины. Г. Клеванов говорит, что историк заговора Катилины не умел понять его характера и называет дерзкого заговорщика „жертвою благородных стремлений“», — Блок сделал первую запись на полях: «И ниже: доп. с Ибсеном».

О Г. Ибсене Блок писал многократно. В августе 1907 г. — очерк «О драме», где поэт называет Ибсена «последним великим драматургом Европы» (V, 164). А в статье «О театре», появившейся в феврале-марте 1908 г., Блок в связи с именем Ибсена затрагивает вопросы «красоты долга» писателя и поиска «новых путей жизни». Вскоре появилась статья «Три вопроса», где, вновь касаясь «пользы» и «долга» художника, Блок называет Ибсена, называет как «знамя нашей эпохи». Он упоминает об одном из первых произведений драматурга — пьесе «Катилина», где главный герой насквозь заряжен «социалистическим духом» (V, 237). Вероятно, прочитанные у Добролюбова строки о Катилине послужили дополнением к тому, что Блок уже знал, читая произведение Ибсена.

Интерес Блока к личности Катилины, произведениям Саллюстия, событиям римской истории получит новый творческий импульс весной 1918 г. Написав «Страницы из истории мировой Революции», Блок отметил 24 апреля 1918 г.: «Тема уж очень великолепна. Все сызнава, несмотря на усталость» (ЗК, 402). В этой работе Блок, в частности, цитирует одного из биографов Ибсена: «Без чтения Цицерона и Саллюстия поэт, вероятно, не напал бы на этот сюжет». И продолжает: «Сам Ибсен рассказывает, как он с жадностью проглотил „Катилину“ Саллюстия и речи Цицерона» (VI, 88).

Можно предположить, что упоминание об Ибсене при чтении Добролюбова имело непосредственную связь с работой Блока над очерком «Генрих Ибсен». Очерк был написан в октябре-ноябре 1908 г. Блок затрагивает здесь наиболее важные вопросы: о призвании, долге, жертве и т. д. Читаем: «Его мозг искусился в вопросах о долге, призвании, личности, жертве, народе, национальности, обществе. Его сердце узнало любовь и сомнение, страх и сладость одиночества» (V, 311).

При чтении рецензии Добролюбова на седьмой том сочинений Пушкина, изданный П. В. Анненковым, Блок сделал семь словесных помет.

Рецензируемый том являлся дополнительным и включал ряд не опубликованных ранее текстов великого поэта. В целом издание, осуществленное Анненковым, заметно отличалось от всех предыдущих. Оно содержало материалы для биографии поэта, публикацию черновиков, а также обширную библиографию. Новое издание было с восхищением и благодарностью встречено читателями. Добролюбов отмечал: «И в самом деле, память Пушкина как будто еще раз по-

веяла жизнью и свежестью на нашу литературу, точно окропила нас живой водой и привела в движение наши окостеневшие от бездействия члены <...> Это одушевление при новом положении литературы скоро выразилось решительно во всем, *даже в библиографии*». И далее: «*В последнее время наша библиография значительно расширилась в своих пределах и средствах*». Вышедший ныне 7-й том Пушкина служит одним из самых ярких доказательств этого расширения средств нашей библиографии». Помимо подчеркиваний (выделено курсивом) Блок сделал запись на полях: «Библиогр. ее успехов».

Развитие библиографии как прикладной науки, теснейшим образом связанной с историей русской литературы, живо занимало Блока. Так, в статье «Литературные итоги 1907 года» поэт, продолжая традиции отечественной критики, которая всегда опиралась на библиографию, указывал, что среди современных изданий последнего времени библиография «заняла видное место». Блока, как некогда Добролюбова, крайне занимали вопросы роста количества книг и читателей в России, а также и развитие библиографии, которая «ширилась в своих пределах и средствах», имея при этом истоки и традиции в прошлом. Здесь можно обнаружить и элементы единомыслия.

Внимание Блока особенно привлекла та часть рецензии Добролюбова, которая была посвящена впервые опубликованной в 7-м томе анненковского издания статье Пушкина «Александр Радищев».

Страницы сохранили следы блоковского чтения: помимо подчеркиваний, словесных помет, появляются восклицательные знаки, ранее в этом томе не встречавшиеся. На полях Блок записал: «Пушкин о Радищеве!». Можно предположить, что вслед за этим он обратился к тексту статьи Пушкина, о которой столь подробно говорил Добролюбов. Процесс чтения становился многоступенчатым: сначала — строки Добролюбова, затем — строки Пушкина. Правомерным такое предположение делают пометы: оба раза восклицательные знаки относятся как раз к цитатам из Пушкина, которые приведены Добролюбовым, полемизирующим с поэтом. Чтобы разобраться в сути полемики, необходимо было обращение к первоисточникам. Выбор собственной позиции требовал только такого подхода.

Следующая словесная помета Блока относится к месту, где Добролюбов цитирует поэтический текст Пушкина.

*Да будет проклят правды глас,
Когда посредственности холодной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угоджает праздно!*

Эти строки вызвали у Добролюбова резкое неприятие. На полях Блок лаксично записал: «Правда для посредственности».

Первое сочетание разнообразных видов маргиналий поэт использует там, где Добролюбов ведет речь о противоречиях характера Пушкина. Так, например, Добролюбов пишет: «В последние годы его жизни мы видим в нем какое-то странное борение, какую-то *двои́ственность*, которую можно объяснить только тем, что, несмотря на желание успокоить в себе сомнения, проникнуться как можно полнее заданным направлением, — все-таки он не мог освободиться от живых порывов молодости, от гордых, независимых стремлений прежних лет». Как видим, на этот раз Блок подчеркнул одно слово, обозначив, что более всего задевало его, столько раз переживавшего мучительнейшие сомнения, ощущая в себе самом гибельную двойственность. На полях Блок записал: «Сомнения, двойствен. в Пушкине».

На первый взгляд может показаться, что это лишь простая констатация, но на самом деле приписка скрывает потаенные мысли Блока о назначении Поэта, о соотносении жизненного и творческого. Спустя годы он придет к такому обобщению: «поэт — величина неизменная. Могут устареть его язык, его приемы, но сущность его дела не устаревает. Люди могут отворачиваться от поэта и от его

няиъ». Объ этомъ обстоятельстве, вѣроятно, забылъ Пушкинъ, когда высказалъ свое требованіе, чтобы Радищевъ, вмѣсто брани, представлялъ лучше свои соображенія, и пр. Несчастный авторъ, вѣрно, зналъ себя и обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, гораздо лучше, нежели его безпощадный критикъ.

Въ заключеніе своей статьи, авторъ спрашиваетъ: «какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ?» И говоритъ за него: «на сіи вопросы врядъ-ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно», то-есть, по мнѣнію Пушкина, несчастный авторъ, печатавъ свое «Путешествіе», самъ не понималъ, къ чему онъ это дѣлаетъ, и не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной цѣли. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, справедливо-ли это мнѣніе само по себѣ, но замѣтимъ, что такое сужденіе противорѣчитъ другому мѣсту той же самой статьи, гдѣ Пушкинъ говоритъ: «не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ, политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою свѣтлостью». Если онъ былъ фанатикомъ, только заблуждающимся въ своихъ стремленіяхъ, то, значить, все-таки у него была же какая-нибудь цѣль, къ которой онъ стремился. Фанатизмъ непремѣнно долженъ привязываться къ какому-нибудь предмету, и намъ кажется, что невозможно представить себѣ фанатика, который бы не зналъ, чѣмъ онъ увлекается. Возможно-ли примирить сужденія Пушкина, что Радищевъ былъ политическимъ фанатикомъ и чтобы, несмотря на то, онъ не имѣлъ никакой цѣли въ своемъ поступкѣ?

Вобщемъ нужно замѣтить, что статья о Радищевѣ любопытна какъ фактъ, показывающій, до чего можетъ дойти умъ живой и свѣтлый, когда онъ хочетъ непремѣнно подвести себя подъ извѣстныя, заранее принятые опредѣленія. Въ частныхъ сужденіяхъ, въ фактахъ, представленныхъ въ отдѣльности, постоянно виденъ живой, умный взглядъ Пушкина; но общая мысль, которую доказать онъ поставилъ себѣ задачей, ложна, неопредѣленна и постоянно вызываетъ его на обличивыя и противорѣчающія фразы. Къ сожалѣнію, статья о Радищевѣ представляетъ не единственный примѣръ подобнаго несправедливаго увлеченія. Онъ составилъ себѣ кругъ идей, которыя уже были для него неприкосновенны въ своей святости, хотя бы даже несправедливость ихъ и была очевидна. Онъ уже восклицаетъ:

*«Да будетъ проклята правда, гласъ,
Когда посредственности холодной,
Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ правдою»*

Проклиная правду, когда она благоприятна была для посредственности, и важно признаваясь въ этомъ, поэтъ, разумѣется, старался поддерживать въ себѣ всякій обманъ, казавшійся ему благороднымъ и возвышеннымъ. «Настъ возвышающій обманъ» былъ для него, действительно, дороже тьмы низкихъ истинъ. Въ раздѣленіи истинъ, на низкія и высокія, опять отражалось, разумѣется, вліяніе старой риторической школы, допускавшей еще и среднія истины, такъ же точно, какъ допускала она высокій, средній и низкій слогъ. И Пушкинъ, при всѣмъ своемъ презрѣніи къ риторической школѣ, не могъ отъ нея освободиться въ этомъ случаѣ, и въ послѣднее время жизни, вмѣстѣ съ полнымъ обращеніемъ его къ частой художественности, усилилось въ немъ и поистратіе къ вѣнато-

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ. СОЧИНЕНІЯ, Т. I ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЛОКА С ЕГО ПОМЕТАМИ

Центральный архив литературы и искусства, Москва

дела. Сегодня они ставятъ ему памятникъ; завтра хотятъ „сбросить его с корабля современности“. То и другое определяетъ этихъ людей, но не поэта; сущность поэзии, какъ всякаго искусства, неизменна; то или иное отношеніе людей къ поэзии въ концѣ концовъ безразлично» (VI, 160).

Пушкинскіе строки, цитируемые Добролюбовымъ въ рецензии, являлись предметомъ предельно глубокого вниманія Блока-читателя. Следующая словесная помета относится къ широко извѣстной строчкѣ Пушкина: «Кому венецъ: мечу или крику?». На поляхъ появляется записъ: «меч и крикъ».

«Проекція» этой маргиналии прослеживается у Блока несколько раз. Так, въ статьѣ «Вопросы, вопросы, вопросы» онъ пишетъ: «Что дѣйствительнее: меч или

рымъ исключительнымъ истинамъ, соединенное съ отвращеніемъ отъ другихъ. Онъ уже заглушалъ въ себѣ нѣкоторые изъ прежнихъ сердечныхъ звуковъ, называя ихъ дѣйствиємъ безумства, лжи и страстей; онъ уже позволялъ себѣ въ одномъ стихотвореніи назвать наглецомъ Наполеона, о которомъ самъ писалъ за 10 лѣтъ: «да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто безумнымъ омрачитъ укоромъ его развѣчанную тѣнь»... Прежнія задумчивыя мечты высказывались теперь уже тономъ шутивымъ и даже насмѣшливымъ, а то, что въ молодости вызывало насмѣшки, теперь пробуждало въ поэтѣ благоговѣйное умиленіе. Прежде писалъ онъ къ одному изъ друзей гордое посланіе (не напечатанное почему-то у г. Анненкова), въ которомъ повѣрялъ своему другу свои надежды и мечты о славіи пророка-облачителя земли своей, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ писалъ:

„Но, въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленіи вдохновенномъ
На камнѣ, дружной освещенномъ,
Пишу я ваши имена“

Немудрено, что при такомъ расположеніи ему очень не нравилось все, что мѣшало лѣни и тишинѣ, и что по этому случаю Радящевъ заслужилъ особенное его нерасположеніе.

Впрочемъ, здравый природный умъ предохранялъ Пушкина отъ излишнихъ крайностей въ принятомъ имъ направленіи, и, при всемъ недостаткѣ серьезнаго образованія, онъ умѣлъ снимать ошибки людей, заходящихъ слишкомъ далеко въ примѣненіи тѣхъ началъ, вѣрности которыхъ онъ самъ, повидимому, вполне довѣрялъ. Въ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ ясное подтвержденіе того, что направленіе, принятое Пушкинымъ въ послѣдніе годы, вовсе не исходило изъ естественныхъ потребностей души его, а было только слѣдствіемъ слабости характера, не имѣвшаго внутренней опоры въ серьезныхъ, независимо развившихся убѣжденіяхъ, и потому скоро павшаго отъ утомленія въ борьбѣ съ вѣншими враждебными вліяніями. Отъ того то, въ послѣдніе годы его жизни, мы видимъ въ немъ какое-то странное бореніе, какую-то двойственность, которую можно объяснить только тѣмъ, что, несмотря на желаніе успокоить въ себѣ сомнѣнія, проникнуться какъ можно полнѣе заданнымъ направленіемъ, — все-таки онъ не могъ освободиться отъ живыхъ порывовъ молодости, отъ гордыхъ, независимыхъ стремленій прежнихъ лѣтъ. До сихъ поръ въ печати извѣстны были почти только тѣ произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина, въ которыхъ выражалось, болѣе или менѣе ярко, направленіе, господствовавшее въ немъ въ эти послѣдніе годы. Нынѣ изданный дополнительный томъ сообщаетъ много произведеній совершенно противоположнаго характера, и они-то доказываютъ, что Пушкинъ и предъ концомъ своей жизни далеко еще не всей душою преданъ былъ тому направленію, которое принялъ, повидимому, такъ пламенно, которое за то произвело охлажденіе къ нему въ лучшей части его читателей. Извѣстно, напр., что въ послѣднее время въ немъ особенно сильно развились теологическіе предразсудки; но нынѣ напечатанное стихотвореніе: «Когда по городу задумчивъ я хожу» обнаруживаетъ воззрѣніе совершенно чистое, равно какъ и нѣкоторые стихи, пьесы, озаглавленной «Изъ

Сочиненій
Добролюб.
в. Пушкин

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ. СОЧИНЕНІЯ, Т. I ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЛОКА С ЕГО ПОМЕТАМИ

Центральный архив литературы и искусства, Москва

слово, — спрашиваем мы опять вслед за Пушкиным. И не можем не спрашивать об этом, потому что какая-то мера уже исполнилась» (V, 334). В данном контексте пушкинская строка обретает для Блока остросовременное звучаніе. Заметим, что свойство использовать строки тех, кто «горел огнем бескорыстной любви и бескорыстного гнева» (V, 335), — отличительная особенность Блока.

В дальнейшем Блок вновь возвращается к осмысленію вопроса, поставленнаго некогда Пушкиным. В статьѣ «Народ и интеллигенція» он признается: «Я — интеллигент, литератор и оружіе мое — слово. Боясь слов, я их произношу. Боясь „словесности“, боясь „литературщины“, я жду, однако, ответов

словесных: есть у всех тайная надежда, что не вечна пропасть между словами и делами, что есть слово, которое переходит в дело...» (V, 319).

В третьем томе сочинений Добролюбова сосредоточены последние статьи критика, написанные в 1859—1861 гг. В отличие от первого тома в оглавлении Блок не сделал ни единого обозначения. В целом во всем томе следы внимательного прочтения содержат лишь четыре статьи. Это — крупнейшие произведения Добролюбова: «Темное царство», «Когда же придет настоящий день», «Черты для характеристики русского простонародья» и «Луч света в темном царстве».

Характер маргиналий становится более динамичным, внутренне напряженным. Чаще появляются двойные, иногда даже тройные вертикальные отчеркивания целых абзацев, реже — двойное горизонтальное подчеркивание отдельного слова.

О пристальном прочтении, вернее, изучении текста свидетельствуют подчеркивания Блоком даже сносок и примечаний к текстам Добролюбова. Отличительной особенностью на страницах этого тома является частое употребление поэтом знака «NB», причем иногда в сочетании с другими знаками: «+» или «!» и т. п. Особенно часто такие знаки встречаются в тексте статей, посвященных творчеству А. Н. Островского. Против слов Добролюбова о мировоззрении этого художника, о его взглядах на действительность, в чем, по мнению критика, и таится единственно «правильный ключ к характеристике таланта», Блок сделал на полях первый в этом томе знак «NB». Знак находится в окружении двойных подчеркиваний в тексте.

Словесные маргиналии в этом томе крайне редки. Их всего четыре, причем, как правило, они односложны. Одна из первых сделана поэтом почти в самом начале текста статьи «Темное царство», там, где Добролюбов рассматривает вопрос о взаимопроникновении науки и искусства, о различии природы таланта мыслителя и художника. Добролюбов писал: «Свободное претворение самых высших умозрений в живые образы и вместе с тем полное сознание высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном факте жизни — это есть идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии и доселе еще никем не достигнутый».

Блок полемизирует с автором, он кратно записывает: «Гете».

Рассматривая типы комедий Островского, Добролюбов особо останавливался на «общенародных» чертах этих произведений, что не прошло мимо внимания Блока, который поставил здесь знак «NB». А в целом абзаце Блок выделил только одно слово — «общенародные», выразив свое единомыслие с автором. Маргиналия как бы дополняет ранее высказанную мысль Блока, когда он еще весной 1908 г. называл пьесу «Гроза» «высоким искусством».

Поэт был убежден, что в ряду тех драматических произведений, которые принимает и понимает народ, пьесы Островского занимают одно из первых мест. Сам Блок использовал образ грозы как символ надвигающегося стихийного мстителя. Именно так трактовал этот образ и Добролюбов.

В статье «Когда же придет настоящий день», посвященной роману Тургенева «Накануне», внимание Блока более всего привлек вопрос о распространении общественных идей в России в 40-е годы. Поколение Рудиных, по словам Добролюбова, «приготовлялось к делу, но ничего не делало». Такое наблюдение критика вызвало у Блока необычную маргиналию — сочетание восклицательного знака и знака «NB».

Читая рассуждение Добролюбова: «в голове и сердце накопилось так много прекрасного; в существенном порядке дел замечено так много нелепого и бесцельного; масса людей, „сознающих себя выше окружающей действительности“, растет с каждым годом, так что скоро все будут выше действительности», — Блок отчеркнул последние слова, снабдив их на полях знаком «NB!».

В статье о рассказах Марко Вовчок Блок трижды подчеркнул следующую фразу Добролюбова: «Теперь дело литературы — преследовать остатки крепостного права в общественной жизни и добывать порожденные им понятия, возводя их к коренному их началу. Марко Вовчок в своих простых и правдивых

ЛУЧЬ СВЯТА ВЪ ТЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ.

365

телей, совершенно преданныхъ искусственнымъ интересамъ и ни мало не заботящихся о нормальныхъ требованіяхъ человеческой природы. Эти писатели могутъ быть и не лжецы: во произведеніи ихъ, тѣмъ не менѣе, ложны, и въ нихъ мы не можемъ признать достоинствъ, развѣ только ст-но-носительныя формы. Всѣ, напримѣръ, пѣщы иллюминацій, военныхъ торжествъ, рѣзни и грабежа по приказу какого-нибудь честолюбца, сочинители листовыхъ диорамбовъ, надписей и мадригаловъ—не могутъ имѣть въ нашихъ глазахъ никакого значенія, потому что они весьма далеки отъ естественныхъ стремленій и потребностей народныхъ. Въ литературѣ они то же въ сравненіи съ истинными писателями, что въ наукѣ астрологи и алхимики предъ истинными натуралистами, что сонники предъ курсомъ физиологій, гадательныя книжки предъ теоріей вероятностей. Между авторами, не удаляющимися отъ естественныхъ понятій, мы различаемъ людей, болѣе или менѣе глубоко проникнутыхъ насущными требованіями эпохи, болѣе или менѣе широко обнимающихъ движеніе, совершающееся въ человечествѣ, и болѣе или менѣе сильно ему сочувствующихъ. Тутъ степени могутъ быть безчисленны. Одинъ авторъ можетъ исчерпать одинъ вопросъ, другой десять, третій можетъ всѣ ихъ подвести подъ одинъ высшій вопросъ и его поставить на разрѣшеніе, четвертый можетъ указать на вопросы, которые поднимаются еще за разрѣшеніемъ этого вопроса и т. д. Одинъ можетъ холодно, эпически излагать факты, другой съ лирической силой ополчаться на ложь и восхвалять добро и правду. Одинъ можетъ брать дѣло съ поверхности и указывать надобность внѣшнихъ и частныхъ поправокъ; другой можетъ заирать все съ корня и выставлять на видъ внутреннее безобразіе и несостоятельность предмета, или внутреннюю силу и красоту новаго зданія, воздвигаемаго при новомъ движеніи человечества. Сообразно съ широтою взгляда и силою чувства авторовъ будутъ разниться и способъ изображенія предметовъ, и самое изложеніе у каждаго изъ нихъ. Разобрать это отношеніе внѣшней формы къ внутренней силѣ уже нетрудно; самое главное для критики—опредѣлить, стоитъ ли авторъ въ уродень съ тѣми естественными стремленіями, которыя уже пробудились въ народѣ или должны скоро пробудиться по требованію современнаго порядка дѣла; затѣмъ—въ какой мѣрѣ умѣлъ онъ ихъ понять и выразить, и взялъ ли онъ существо дѣла, корень его, или только внѣшность, обнять ли общность предмета, или только нѣкоторыя его стороны.

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что мы здѣсь разумѣемъ не теоретическое обсужденіе, а поэтическое представленіе фактовъ жизни. Въ прежнихъ статьяхъ объ Островскомъ мы достаточно говорили о различіи отвлеченнаго мышленія отъ художническаго способа представленія. Повторимъ здѣсь только одно замѣчаніе, необходимое для того, чтобы поборники чистаго искусства не обвинили насъ опять въ навязываньи художнику «утилитарныхъ темъ». Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ влияніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи, не потому, что авторъ задася этой идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты действительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ. СОЧИНЕНІЯ, Т. III ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЛОКА С ЕГО ПОМЕТАМИ

Центральный архив литературы и искусства, Москва

рассказахъ является почти первым и весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ).

Поэтъ обратилъ вниманіе на отмеченное Добролюбовымъ важное достоинство украинской писательницы—умение прислушиваться къ еще отдаленному для насъ, но сильному в самомъ себѣ «гулу народной жизни». Привлекла его также и мысль Добролюбова о томъ, что в будущемъ следуетъ ожидать появленія «эпопеи народной жизни». Противъ этой фразы былъ поставленъ знакъ «NB, NB».

Затѣмъ Блокъ сделалъ две вертикальныя черты и поставилъ «NB» рядомъ съ такимъ очень близкимъ ему рассужденіемъ Добролюбова: «Не пора ли уже намъ отъ этихъ тонкихъ и чахлахъ выводовъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ здоровымъ

росткам народной жизни, помочь их правильному успешному росту и цвету, предохранить от порчи их прекрасные и обильные плоды? События зовут нас к этому, говор народной жизни доходит до нас, и мы не должны пренебрегать никаким случаем прислушаться к этому говору».

В целом на страницах этой статьи встречается максимальное число разнообразных знаков, поставленных Блоком при чтении.

Против слов Добролюбова об «отвращении к крепостному праву и крепостному труду», крепко развитом в народной массе, Блок записал на полях: «мои приметы».

Чтение поэтом статьи «Луч света в темном царстве» и всесторонний анализ помет в этом тексте требуют самостоятельного исследования и затрагиваются в данном случае частично.

Заслуживает пристального внимания отчеркнутая Блоком мысль Добролюбова о том, что именно Островский «*почувствовал, что не отвлеченные верования, а жизненные факты управляют человеком, что не образ мысли, не принципы, а натура нужна для образования и проявления крепкого характера*». Здесь был поставлен необычный и больше не встречающийся знак «NB+», наряду с подчеркиванием текста и вертикальным его отчеркиванием.

Рассматривая произведения Островского, Добролюбов подробно характеризовал различные типы писателей: «В литературах всех народов мы находим множество писателей, совершенно преданных искусству <...> и ни мало не забываящихся требованиями человеческой природы. Эти писатели, может быть, и не лжецы, но произведения их тем не менее ложны, и в них мы не можем признать достоинств, *разве только относительно формы*». После двойного подчеркивания последних слов Блок на полях записал кратко: «декаденты!». Лаконичная помета будто выносит приговор нежизнеспособности произведений декадентов всех мастей и эпох, при этом чувствуется резкое неприятие их Блоком. Это пример редких маргиналий, которые могут быть столь однозначно трактованы.

Сопряжение с современностью творческого наследия прошлого — отличительная черта читательского восприятия Блока, красноречиво запечатленная на страницах книг Добролюбова.